

З.Ф. Хасанова

Институт этнологических исследований
им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН
ул. К. Маркса, 6, Уфа, 450077, РФ
E-mail: Zifa.83@mail.ru

ВРЕМЕННЫЕ ЛЕТНИЕ ЖИЛИЩА БАШКИР ИНЗЕРСКОГО БАСЕЙНА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XXI в.

Рассматриваются временные летние жилища башкир инзерского бассейна конца XIX — начала XXI в. с использованием данных из Государственного архива Оренбургской области (г. Оренбург) и Научного архива УНЦ РАН (г. Уфа), а также сведений, собранных автором в ходе экспедиционных выездов в 2010–2011, 2016 гг. в деревнях Габдюково, Зуяково, Ассы, Новохасаново, Усмангали, Инзер, Азикеево, Азналкино, Хусаиново, Серменево, Уткалево, Узьянбаш, Шигаево Белорецкого района Республики Башкортостан. У башкирского населения, ведущего на протяжении долгого времени кочевой и полукочевой образ жизни, существовали временные и постоянные поселения: к первым относились весенние (язгы йорт), летние (йейге йорт) и осенние (көзгө йорт) стоянки, ко вторым — зимовки (кышлау), на базе которых появились аулы (деревни). Башкиры инзерского бассейна на рубеже XIX–XX вв. продолжали вести полукочевое скотоводческое хозяйство, разводя в большом количестве лошадей, овец, коров и небольшое поголовье коз. На летних кочевках занимались сенокошением и лесными промыслами: рубкой и вывозкой леса, заготовкой дров для заводов, производством мочала, сидкой дегтя и т.д. В горной местности массовые выезды на летовку прекратились до Гражданской войны и неурожая 1921–1922 гг., однако отдельные семьи продолжали совершать летние переезды вплоть до коллективизации начала 30-х гг. В конце XIX в. на летние пастбища выезжали прежде всего состоятельные семьи, а вместе с ними некоторые башкиры, взявшие на выпас скот или нанявшиеся на работу. Места сезонных стоянок и жилища на них долгое время оставались традиционными. В конце XIX в. на данной территории получили распространение три вида временных летних жилищ — изба (бурама), шалаши (кыуыш и аласык), которые отличаются между собой формой, материалом, размерами. Избу (бурама) сооружали из бревен, шалаши (кыуыш и аласык) делали из коры деревьев (липы), драницы, веток. На сегодняшний день на изучаемой территории сохранились шалаши — кыуыш и аласык, которые используют во время проведения сенокоса в качестве ночлега и для хранения продуктов питания и одежды. Бурама как временное жилище во время сенокоса практически не используется.

Ключевые слова: башкиры, инзерский бассейн, Белорецкий район Республики Башкортостан, скотоводство, летние жилища, кочевка, бурама, шалаши.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-127-136

Введение

Башкиры были известны как кочевники-скотоводы уже с древнейших времен [Путешествие Ибн-Фадлана..., 1939, с. 66]. В исторической эволюции традиционного хозяйства башкир Р.Г. Кузеев выделяет несколько этапов: 1) XI–XVI вв. — время постепенного перехода к полукочевому скотоводству; 2) XVII — первая половина XIX в. — почти полный переход к оседлости и земледелию (за исключением некоторых групп восточных, юго-восточных и южных башкир, а также башкир инзерского бассейна); 3) середина XIX — начало XX в. — распространение полной оседлости и земледелия среди всех групп башкир [2010, с. 320].

Башкиры инзерского бассейна, будучи полукочевыми скотоводами [Кузеев, 2010, с. 276; Янгунин, 1998, с. 114], вплоть до XVIII столетия в больших количествах разводили лошадей, овец, коров, немного коз. В источниках этого периода говорится, что «...скотоводство башкир заключается почти исключительно в содержании овец и табунов лошадей» [ГА ОО, ф. 6, оп. 6, л. 10].

Скотоводческое хозяйство башкиры вели традиционными, в течение веков выработанными способами, адаптированными к различным природным условиям, непременно предполагавшими перекочевки с одного места на другое с практически круглогодичным пастбищным содержанием домашнего скота. С наступлением весны башкиры со своими стадами покидали деревни

до глубокой осени. Во время таких сезонных кочевков они жили в переносных жилищах, различавшихся по способу и материалам изготовления [Янгузин, 1998, с. 51].

Летние жилища у разных локальных групп башкир существовали на протяжении неодинакового времени. На территориях, где получило развитие земледелие (земледельческие районы), не было необходимости выхода на летовки, и они исчезли там раньше, чем на других территориях. В районах с развитым скотоводством выходы на летовки продолжались до начала XX в. В данной работе мы рассмотрим локальные особенности летних жилищ, а также рассмотрим причину их сохранения на изучаемой территории.

Территориальные рамки исследования ограничиваются бассейном рек Малый и Большой Инзер и их притоков, расположенных в пределах современного Белорецкого района Республики Башкортостан (далее — РБ). Эта территория находится в северной, наиболее приподнятой части Южного Урала в пределах Республики Башкортостан. Охватывает хребты Зильмердак, Белягуш, Салдыс, Юша, Уварся, Нары, Машак, абсолютная высота которых колеблется в пределах 500–1638 м [Физико-географическое районирование..., 1964, с. 116–118]. Этническое ядро башкир инзерского бассейна составило одно из крупнейших северо-восточных племен *катай* (*катай*), включающее шесть родов: инзер-, кузгун-, идель-катай (западные, или горнолесные, катаяцы), улу-, бала- и ялан-катай (восточные, или зауральские, катаяцы) [Хасанова, 2014, с. 19].

История изучения башкирских жилищных комплексов насчитывает более двух столетий и берет начало с академических экспедиций, в которых принимали участие П.С. Паллас [1786], И.И. Лепехин [1802], И.Г. Георги [1799]. В своих работах они упоминали о кочевках башкир и местах их расположения. В конце XIX — начале XX в. появились труды С. Сомме [2010], П.И. Небольсина [1852, 1854], П.С. Назарова [1890], В.М. Черемшанского [1859], Л. Берхгольца [1893], Д.П. Никольского [1895] и др., в которых также были затронуты вопросы кочевки и дана характеристика временных жилищ у башкир. Неоценимым источником являются работы двух последних авторов, где подробно описаны временные и постоянные жилища, их расположение, а также выход на кочевки башкир-катаяцев инзерского бассейна.

Огромный вклад в изучение башкирского жилища, скотоводства и всего жизненного уклада башкир в начале XX в. внес С.И. Руденко. Автором даны описание, характеристика, а также сделаны фотоснимки временных и постоянных жилищ. С.И. Руденко выделяет территориальные и локальные особенности жилища башкир, в том числе инзер-катаяцев [2006, с. 172–210].

Во второй половине 1950-х гг. с целью изучения башкир в различные районы края были организованы многочисленные этнографические экспедиции, в которых участвовали Р.Г. Кузеев, Н.В. Бикбулатов, С.Н. Шитова, Р.М. Султанов, Б.Г. Калимуллин, М.Г. Муллагулов и др. В полевых дневниках, отчетах есть описание временных жилищ башкир на изучаемой территории [НА УНЦ РАН, ф. 3, оп. 2, д. 790; ф. 113, оп. 1, д. 18; ф. 113, оп. 1, д. 38; ф. 113, оп. 1, д. 18; ф. 3, оп. 2, д. 790; и др.]. По материалам экспедиций разных лет подготовлены и изданы монографические исследования Б.Г. Калимуллина [1959], Н.В. Бикбулатова [1969], С.Н. Шитова выделила локальные особенности временных летних жилищ башкир [1984]. В 1990-е г. выходит труд А.З. Асфандиярова «История сел и деревень Башкортостана» (5 частей) [2009]. Работа выполнена на основе анализа архивного материала, дается краткая история деревень и характеризуются основные занятия населения.

Несмотря на то, что история изучения сезонных поселений башкир началась со второй половины XVIII в., до настоящего времени есть не изученные в полной мере территории проживания башкир, к одной из которых относится инзерский бассейн. Для заполнения этих лакун автором статьи в 2010–2011, 2016 гг. были проведены этнографические экспедиционные исследования. Изучение велось в населенных пунктах Белорецкого района РБ: Габдюково, Зуяково, Ассы, Новохасаново, Усмангали, Инзер, Азикеево, Азналкино, Хусаиново, Серменево, Уткалево, Узьянбаш, Шигаево. Сбор полевого материала производился методами глубинного интервью с информаторами (обычно представителями старшей возрастной группы), наблюдения, фотофиксации.

Кочевые традиции и природно-климатические, географические условия определяли типы башкирских поселений и жилищ на всем этапе развития. Традиционные поселения XIX в. подразделялись на две основные группы — временные и постоянные: к первым относились летовки, весенние и осенние стоянки, ко вторым — аулы (деревни). В данной статье рассмотрим летовки у башкир инзерского бассейна и выясним причины их сохранения до наших дней.

Временные летние жилища

У башкир инзерского бассейна до конца XX в. (в некоторых местах до начала XXI в.) сохранялись летние жилища, которые использовались во время сенокоса,— шалаши (*кыуыш*). Возведение таких шалашей было тесно связано с кочевничьими традициями, и изначально их использовали во время летних кочевков. Башкиры инзерского бассейна на рубеже XIX–XX вв. продолжали вести полукочевое скотоводческое хозяйство. В горной местности массовые выезды на летовку прекратились еще до Гражданской войны и неурожая 1921–1922 гг., хотя отдельные семьи продолжали совершать летние переезды вплоть до коллективизации. Жители д. Азналкино Белорецкого района выходили на летовки до 1930 г. [НА УНЦ РАН, ф. 113, оп. 1, д. 18, л. 14 об.], а жители д. Кузгун-Ахмерово того же района — до 1932 г. [Хамзин Г.Х., 1920 г.р.]. На кочевку выезжали только те, у кого имелся скот. В начале XX в. до 30–40 % хозяйств на лето оставались в деревнях, а более половины населения лето проводило на кочевках [Зарипов, 2001, с. 50]. Длительное сохранение кочевничьих традиций у башкир инзерского бассейна объясняется, во-первых, хозяйственной заинтересованностью (земледелие не получило должного развития в связи с низкой плодородностью земли в данном регионе, что вызвало появление с середины XIX в. лесных промыслов — углежжения, гонки смолы, дегтя и т.д.); во-вторых, наличием готовых поселений: однажды выстроенные бревенчатые домики ожидали своих хозяев, не требуя особых затрат в течение 10–15 сезонов; в-третьих, отдаленностью данной территории от крупных городов и консервацией этнических традиций; в-четвертых, стремлением к «свободе» и потребностью остаться наедине с природой (психологический фактор) [Рахматуллина, 2007].

По данным источников XIX в., кочевание башкир инзерского бассейна начиналось с середины мая и продолжалось до первого снега [Янгузин, 1998, с. 51]. Жители башкирских деревень (Азикеево, Азналкино, Кудашманово, Кузгун-Ахмерово, Серменево, Улу-Елга и др.), расположенных в междуречье Белой и Большого Инзера, к западу от Белорецкого завода, кочевали со скотом в пределах этой территории, покидая аулы после 10 мая и возвращаясь к 1 октября.

Кочевые группы состояли из 5–6 родственных семей. Они совершали 2–3 кочевки (*йэйләү*), их количество зависело от климатических особенностей года [НА УНЦ РАН, ф. 3, оп. 2, д. 790, л. 4]. Если год был неурожайный, приходилось перекечевывать 5–6 раз. Каждая кочевая группа имела готовые поселения на весенних (*язғы йорт*), летних (*йэйге йорт*) и осенних (*көзгө йорт*) стоянках, которые имели свое название [Там же, д. 418, л. 185].

Временные поселения на летовках башкир инзерского бассейна XVIII — начала XIX в. отличались от таковых конца XIX — начала XX в., хотя и сохраняли многие характерные черты. Раньше в летнем поселении объединялись члены родового подразделения (*ара, аймак*). В конце XIX в. на летние пастбища выезжали прежде всего состоятельные семьи, а вместе с ними башкиры горно-лесной зоны, взявшие на выпас скот или нанявшиеся на работу. Новая социально-экономическая природа кочевых групп в конце XIX — начале XX в. изменила облик летних поселений, что отразилось не только на численности, но и на внешнем виде жилищ. Неоднородность жилищ была связана не только с особенностью лесостепи, но и с разной обеспеченностью составивших кочевье хозяйств [Шитова, 1980, с. 25]. Подобная картина прослеживалась и на данной территории. Богатые жили в избах, остальные — в шалашах.

В деревнях, объединявших разные родовые подразделения, проживало несколько кочевых групп. «Обычно весь род кочевал в одном месте, разбитый, в свою очередь, внутри на малые кочевые группы из 5–6 родственных семей»,— вспоминают информаторы Белорецкого района РБ [Баязитов С.Х., 1926 г.р.].

Места стойбищ в течение ряда лет оставались традиционными. Одним из важных условий при выборе места для стойбища было наличие воды: речки, родника. Башкиры инзерского бассейна свободно размещались на летних поселениях. При обилии в горах ключей и родников летние поселения располагались здесь равномерно, на значительном расстоянии одно от другого [Шитова, 1980, с. 29]. В башкирских деревнях оставались лишь некоторые старики, присматривающие за борщами и домашней птицей. Они располагались со своими ульями в 1–1,5 км от деревни [НА УНЦ РАН, ф. 3, оп. 2, д. 790, л. 5].

Сезонными жилищами на изучаемой территории служили бревенчатые дома (*бурама*), которые оставались неизменными вплоть до начала XX в. Даже после коллективизации на летовках продолжали строить избы наподобие тех, которые были раньше (рис. 1), что показывает традиционность данного вида жилищ. Подобные постройки существовали в XIX в. в Восточной

3.Ф. Хасанова

Европе у финнов, славян и тюрков Поволжья, в Азии у угров, селькупов и почти у всех народов Южной Сибири) [Попов, 1961, с. 160].

Рис. 1. Бурама у башкир во время летовок в колхозе. Республика Башкортостан, Белорецкий район, с. Кузгун-Ахмерово, 1976 г. Фото из архива ИЯИЛ УНЦ РАН.

Сруб делали небольшой: 4×5 м или 5×5 м. Некоторые бурама были утепленные. Пол в избах был земляной (*ер баз*), сооружались они без потолка, с общим покрытием — крыша на самих покрывалась дранкой или лубом. Вот как об этом пишет Д.П. Никольский, который побывал у инзерских башкир в 90-е гг. XIX в.: «Низкая избушка покрытая драньем или лубом, с низкими дверями, всегда почти без окон. Почти около каждой кочевки находится дворик, обнесенный изгородью, куда на ночь загоняется скот. Пола и потолка нет, на землю иные кладут доски или расстилают кошмы. Чаще всего помещение разделяется на две половины: первая, так сказать прихожая, служит для приготовления кушанья, здесь же устраивается очаг, склады незатейливой провизии и других мелочей, вторая, отделенная стеной или занавеской, служит спальней, где находится низкая нара со всем домашним скарбом, охотничьими принадлежностями, конскою сбруею и т.д.» [1895, с. 56]. Внутри избы находились нары (*урындык*) и чувалы (*сыуал*) [НА УНЦ РАН, ф. 113, оп. 1, д. 38, л. 40]. Чувал располагался в одном из углов помещения у входа (чаще справа) и представлял собой полый цилиндр с расширенной нижней частью, в котором имелось полуовальное вытянутое отверстие топки; длинные поленья устанавливали в очаге вертикально. Остов печки состоял из переплетенных лозой и обмазанных глиной жердей. Такие печи на летовках башкир встречались в конце XIX и даже в начале XX в. У сибирских народов в прошлом чувал имел широкое распространение (у манси, хантов, кетов, селькупов, шорцев, северных алтайцев, хакасов (сагайцев, кызылцев), западно-сибирских татар) [Шитова, 1976, с. 67].

Обычно на летовках имелось три и более изб (*бурама*). На летовке жителей д. Шигаево Белорецкого района *Кағы йорт* было всего две *бурама*. Башкиры, которые не имели *бурама*, ставили обыкновенный шалаш (*кыуыш*). Покрывали его корой, драницами и ветками. Прежде он служил жилищем на летовках, с 30–40-х г. XX в. такие шалаши стали строить во время сенокоса (рис. 2). Информаторы описывают их следующим образом.

Рис. 2. Поселение на сенокосе у башкир. Республика Башкортостан, Белорецкий район, д. Нижнее Серменево, 1971 г. Фото из архива ИЭИ УНЦ РАН.

Шалаш имел форму конуса, диаметр примерно 3–3,5 м, его высота достигала 4 м. Чем больше членов семьи, тем выше и шире шалаш; для юношей строили отдельно, рядом с родительским шалашом. При сооружении остова шалаша устанавливали две прочные жерди, вставляя одну из них в развилку на конце другой, и к ним прикладывали еще одну или две жерди. Конструкция из трех жердей получила название *ес таған*. Конструкция-основа шалаша скреплялась черемуховым обручем; к нему приставляли до двух десятков жердей, оставляя проем для двери, которую изготавливали из дранки.

После этого верх шалаша покрывали свежей травой, толщина покрытия доходила до 20 см: чем толще травяной покров, тем в шалаше было теплее, вода не проникала даже во время затяжных дождей. Внутри шалаша делали нары из обтесанных топором жердей, которые клали вплотную друг к другу. Высота нары была около 30–40 см, ширина — 170–180 см. Сверху нары также застилали травой для «мягкости». Когда шалаш был готов, для избавления от насекомых внутри разжигали небольшой костер [Мустафина Ш.М., 1963 г.р.]. До настоящего времени на отдаленных сенокосах (15–20 км от деревни) жители Белорецкого и Бурзянского районов РБ ставят подобные шалаша и используют для ночлега и хранения продуктов питания (рис. 3).

Там, где росли липы, делали шалаша из липовой коры (*аласык*). Остов *аласык* состоял из вбитых в землю четырех угловых кольев (*бағана*), двух или трех промежуточных по продольным стенкам и двух по поперечным. Колья поперечных стенок заканчивались наверху развилками, в которые клались продольные жердочки (*урза*), поддерживающие крышу (*ябыу*). Обычные размеры *аласык* — 3,5×4 м, высота кольев стенок около 2 м; колья, поддерживающие крышу, были несколько выше. Снаружи *аласык* обшивался большими полосами луба, ими же покрывалась и крыша. На одной из поперечных сторон *аласык* (*арт эргә*), между кольями, поддерживающими крышу, устраивалась укрепленная на деревянной раме дверь из луба или коры, иногда вместо рамы прилаживался тонкий ствол дерева с двумя-тремя отходящими в одну сторону ветками, к которым и прикреплялся кусок луба, служивший дверью [Руденко, 2006, с. 179]. Такой шалаш *аласык* был распространен на летовках по р. Инзер. Подобные шалаша (прямоугольные каркасные жилища, покрытые корой, лубом или берестой) встречались на территории Западной, Южной Сибири и в Приамурье [Шитова, 1976, с. 64; Соколова, 1998, с. 32] (рис. 4). До настоящего времени на сенокосах жители деревень Зуяково, Габдюково, Ассы, Новохасаново, Усмангали, Бердегулово Белорецкого района РБ ставят временные жилища таких типов (рис. 5).

3.Ф. Хасанова

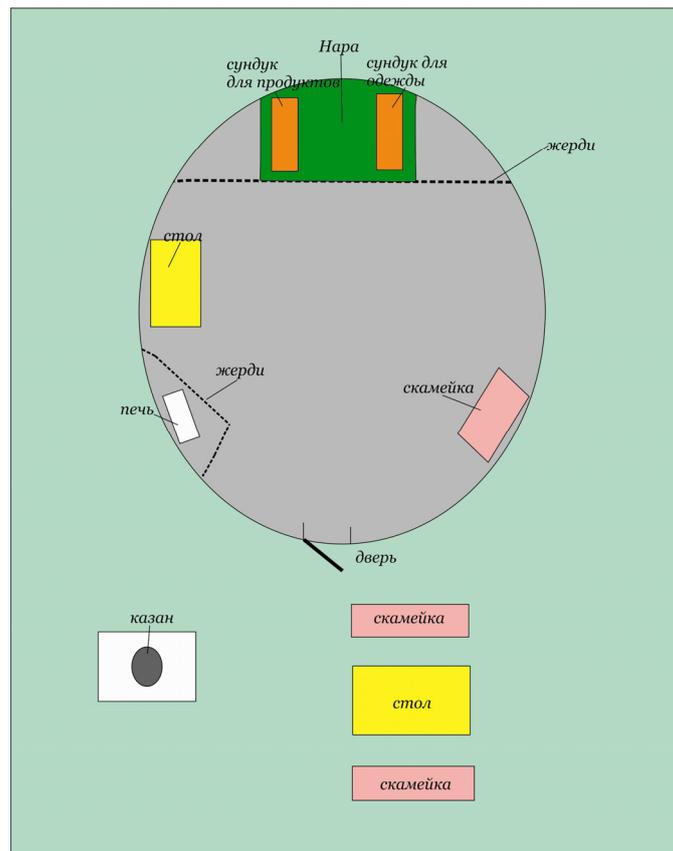

Рис. 3. Схема размещения предметов внутри и снаружи шалаша (кыуыш) во время сенокоса.

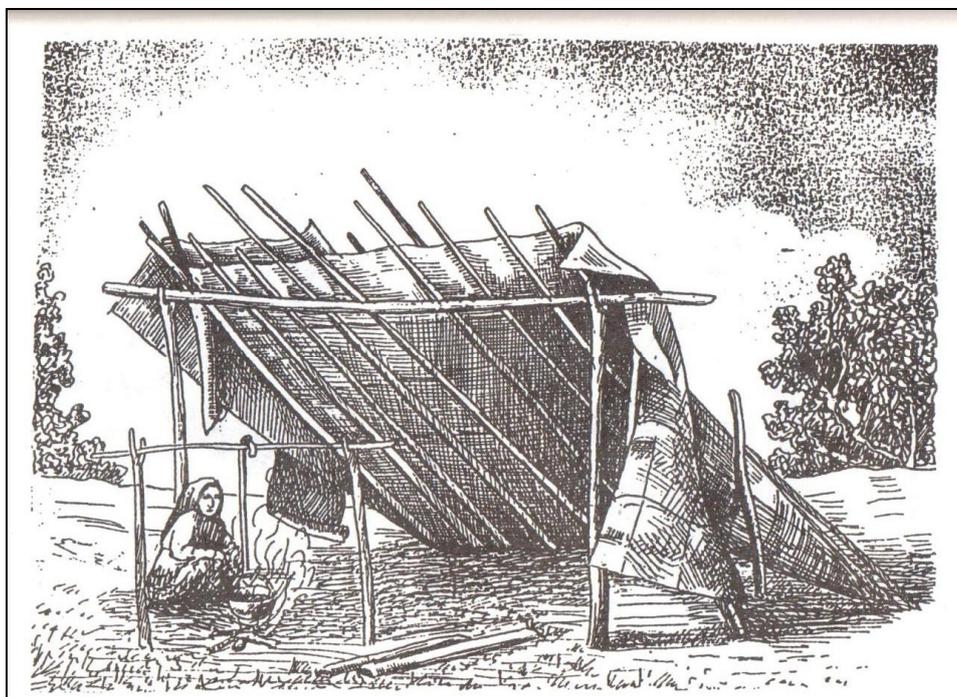

Рис. 4. Односкатная каркасная постройка, ханты (по: [Соколова, 1998, с. 32]).

Рис. 5. *Аласык* у башкир инзерского бассейна. Республика Башкортостан, Белорецкий район, с. Зуяково. 2010 г. Фото автора.

Напротив шалаша в центре площадки сосредоточивались очаги с котлами; над ними сооружался помост, на котором складывались подойники, вялилось мясо, сушились сырки [Шитова, 1980, с. 29]. Место будущего очага очищали от дерна и обкладывали камнем или кирпичом. На берегу рек для выпечки хлеба делали на всю летовку одну печь из камня или привезенного из деревни кирпича. Рядом с очагом устанавливали стол для приема пищи, изготовленный из обтесанных жердей. Высота стола составляла 70–100 см, ширина — 100–120 см. Рядом ставили скамьи из того же материала, вбитые в землю. Стойбище огораживали редкой изгородью. Для домашних животных делали загон, а для телят — навесы из жердей, которые располагались недалеко от летника [Хасанов Ф.Г., 1950 г.р.].

На стоянку в первый день выезжали мужчины для постройки шалаша и ремонта ограды. Делали навесы для телят, чистили родник, готовили место для очага, устанавливали на берегу из привезенных кирпичей печи для выпечки хлеба, готовили запас дров из сухостоя. С собой везли также инструменты для заготовки сена (косы, деревянные вилы и грабли) [Абсалямова Ф.А., 1928 г.р.].

На второй день на стойбище переезжали остальные члены семьи, скот гнали верхом на лошадях или пешком. С собой привозили продукты, постельные принадлежности, посуду. Этот день уходил на обустройство быта. Нары покрывали самодельным покрывалом, на краю нар ставили сундук с одеждой, поверх которого стелили кошмы, одеяла, укладывали подушки. На полу рядом с дверью ставили большой сундук с продуктами и посудой. Если в семье были грудные дети, то справа от двери устанавливали колыбель. Для инструментов делали специальный навес, вилы и грабли располагались вместе, а косы — отдельно, в недоступном для детей месте. В день приезда резали барана, проводили обряд жертвоприношения, читали молитву и угощали всех соседей летника. Для хранения молочных продуктов — масла, сметаны, молока, а также мясных продуктов делали маленький пруд. Мясо солили или коптили, а перед применением отмачивали и лишь затем варили.

На летних кочевках занимались сенокосением и лесными промыслами: рубкой и вывозкой леса, заготовкой дров для заводов, производством мочала, сидкой дегтя и т.д. В работах участвовали все: и мужчины, и женщины, и подростки. По воспоминаниям Ф.А. Абсалямовой, она с 15 лет занималась заготовкой дегтя и мочала (для домашних нужд и для продажи) [Абсалямова Ф.А., 1928 г.р.].

Таким образом, в конце XIX — начале XXI в. происходят огромные изменения в хозяйственной деятельности башкир, разрушается традиционное хозяйство — прекращается выход на летовки, уменьшается количество скота, совершается постепенный переход к земледелию и

З.Ф. Хасанова

лесным промыслом. С установлением советской власти и коллективизацией выходы на кочевья у башкир инзерского бассейна прекратились окончательно, последняя кочевка была в 1932 г. в д. Кузгун-Ахмерово. Однако башкиры инзерского бассейна до сих пор во время сенокоса используют временные летние жилища — *аласык, кыуыш*. Сохранились их исходный материал, вид, форма, размеры. *Бурама* как временное жилище во время сенокоса сегодня практически не встречается.

Список информаторов:

- Абсалямова Ф.А. 1928 г.р., Республика Башкортостан, Белорецкий р-н, с. Шигаево. 2009 г.
Баязитов С.Х. 1926 г.р., Республика Башкортостан, Белорецкий р-н, д. Габдюково. 2010 г.
Мустафина Ш.М. 1963 г.р., Республика Башкортостан, Белорецкий р-н, с. Шигаево. 2009 г.
Хамзин Г.Х. 1920 г.р., Республика Башкортостан, Белорецкий р-н, д. Кузгун-Ахмерово. 2010 г.
Хасанов Ф.Г. 1950 г.р., Республика Башкортостан, Белорецкий р-н, с. Шигаево. 2009 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- ГА ОО. Ф. 6. Оп. 6. Л. 10.
НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 418, 790
НА УНЦ РАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 18, 38.

Литература

- Асфандияров А.З.* История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа: Китап, 2009. 744 с.
- Берехольц Л.* Горные башкиры — катайцы // ЭО. 1893. № 3. С. 74–84.
- Бикбулатов Н.В.* Башкирский аул. Уфа: Башкнигоиздат, 1969. 215 с.
- Георги И.Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, так же их житейских обрядов, вере, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. СПб., 1799. Ч. 4. 388 с.
- Зарипов А.Б.* Юго-восточный Башкортостан 1917–1922 гг. Уфа: БашГУ, 2001. 213 с.
- Калимуллин Б.Г.* Планировка и застройка башкирских деревень. Уфа: Баш. кн. изд-во, 1959. 108 с.
- Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. 2-е изд., доп. Уфа: ДизайнПолиграф-Сервис, 2010. 560 с.
- Лепехин И.И.* Продолжение дневных записок путешествия академика медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 году. СПб.: Император. Академия наук, 1802. 338 с.
- Назаров П.С.* Предварительный отчет о поездке в Башкирию // Изв. ОЛЕАиЭ. 1890. Т. 68. Вып. 1–2. С. 27–37.
- Небольсин П.* Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский край // Вестник императорского Русского Географического общества. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1852. Ч. 4. Кн. 4. С. 1–34.
- Небольсин П.* Рассказы проезжего. СПб.: Тип. Штаба воен.-учеб. заведений, 1854. 343 с.
- Никольский Д.П.* Из поездки к лесным башкирам // Землеведение. М., 1895. Т. 2. Кн. 4. С. 47–66.
- Паллас П.С.* Путешествие по разным местам Российского государства. СПб.: Император. Академия наук, 1786. Ч. 2. Кн. 1, 2. 476 с.; 571 с.
- Попов А.А.* Жилище // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 131–226.
- Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского.* Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 193 с.
- Рахматуллина З.Н.* Менталитет башкир: Сущность, характеристики. Уфа: БашГУ, 2007. 126 с.
- Руденко С.И.* Башкиры: Историко-этнографические очерки. Уфа: Китап, 2006. 376 с.
- Соколова З.П.* Жилище народов Сибири: (Опыт типологии). М.: ТриЛ, 1998. 288 с.
- Соммье С.* О башкирах / Пер. О.Н. Олениной; Под ред. и с примеч. Д.П. Никольского. Репринт. изд. 1891 г. СПб.: Альфарет, 2010. 26 с.
- Физико-географическое районирование Башкирской АССР // Ученые записки.* Т. 16. Сер. геогр. Уфа: БашГУ, 1964. № 1. С. 116–118.
- Хасанова З.Ф.* Традиционные хозяйственные занятия башкир инзерского бассейна (середина XIX — начало XXI в.). СПб.: Свое издательство, 2014. 188 с.
- Шитова С.Н.* Сибирские таежные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир // Этнография Башкирии. Уфа, 1976. С. 67. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 49–96.
- Шитова С.Н.* Временные поселения башкир // Обычаи и культурно-бытовые традиции башкир. Уфа: БФАН СССР, 1980. С. 24–41.
- Шитова С.Н.* Традиционные поселения и жилища башкир. М.: Наука, 1984. 250 с.
- Черемшанский В. М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом и промышленном отношении. Уфа: Тип. Оренб. губернского правления, 1859. 472 с.
- Янеузин Р.З.* Хозяйство и социальная структура башкирского народа в XVIII–XIX вв. Уфа: Китап, 1998. 240 с.

Z.F. Khasanova

R.G. Kuzeev Institute of Ethnological studies,
Ufa Scientific Centre, Russian Academy of Sciences
K. Marks st., 6, Ufa, 450077, Russian Federation
E-mail: Zifa.83@mail.ru

TEMPORARY SUMMER DWELLINGS OF THE BASHKIRS OF THE INZER RIVER BASIN IN THE LATE 19th — EARLY 21st CENTURY

Temporary summer dwellings of the Bashkirs of the Inzer River basin in the late XIX — early XXI century are analyzed. Data from the State Archive of Orenburg region (Orenburg) and the Scientific Archive of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa) are used, as well as information gathered by the author during expedition trips in 2010–2011, 2016 to the villages of Gabdiukovo, Zuiakovo, Assi, Novokhasanovo, Us-mangali, Inzer, Azikeevo, Aznalkino, Khusainovo, Sermenovo, Utkalevo, Uziannbash, Shigaevo of Beloretsky District, Republic of Bashkortostan. The Bashkir population, which for a long time had led a nomadic and semi-nomadic way of life, had temporary and permanent settlements: the first ones included spring, summer and autumn sites, the second ones are represented by winter camps, on the basis of which auls (villages) appeared. On the cusp of the XIX–XX centuries, the Bashkirs of the Inzer River basin kept on following a semi-nomadic cattle breeding way of life, raising large numbers of horses, sheep, cows and a small number of goats. They made hay and did forestry (wood logging and transportation, they prepared firewood for factories, produced bast and tar, etc.). Mass departures to summer camps in mountainous areas stopped before the Civil War and the crop failure of 1921–1922, but some families continued to migrate in summer until the collectivization of the early 1930s. At the end of the XIX century, mainly wealthy families went to the summer pastures, and some Bashkirs, who tended cattle or were hired for work, went with them. The places of seasonal camps and dwellings in them remained traditional for a long time. Three types of temporary summer dwellings got widespread at the end of the XIX century: a hut (burama) and two kinds of cottages, which differ in form, material, and size. A hut was made of logs, cottages were made of bark, (linden bark), laths, branches. Up to date, cottages are preserved in the area under consideration, they are mounted during haymaking as an overnight stops and for storing food and clothes. Burama as a temporary dwelling during haymaking is scarcely used today.

Key words: the Bashkirs, Inzer River basin, Beloretsk district of the Republic of Bashkortostan, cattle breeding, summer dwellings, nomadic camps, burama, huts.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-127-136

REFERENCES

- Asfandiurov A.Z., 2009. *Istoriia sel i dereven' Bashkortostana i sopredel'nykh territorii* [History of villages of Bashkortostan and adjacent areas], Ufa: Kitap, 744 p.
- Bergkhol'ts L., 1893. Gornye bashkiry — kataitsy [The Kataits, Mountain Bashkirs — kataytsy]. *Etnograficheskie obozrenie*, no. 3, pp. 74–84.
- Bikbulatov N.V., 1969. *Bashkirskii aul* [Bashkir aul], Ufa: Bashknigoizdat, 215 p.
- Georgi I.G., 1799. *Opisanie vsekhn v Rossiiskom gosudarstve obitaiushchikh narodov, tak zhe ikh zHITEISKIKH obriadov, vere, obyknovenii, zhilishch, odezhd i prochikh dostopamiatnostei* [Description of the people living in the Russian state, of their everyday rituals, beliefs, customs, shelter, clothes and other objects of interest], ch. 4, St. Petersburg, 388 p.
- Zaripov A.B., 2001. *Jugo-vostochnyj Bashkortostan 1917–1922 gg.* [Southeastern Bashkortostan, 1917–1922], Ufa: BashGU, 213 p.
- Kalimullin B.G., 1959. *Planirovka i zastroika bashkirskikh dereven* [Planning and construction of the Bashkir villages], Ufa: Bashk. kn. izd-vo, 108 p.
- Kuzeev R.G., 2010. *Proiskhozhdenie bashkirskogo naroda: Etnicheskii sostav, istoriia rasseleniia* [The origin of the Bashkir people: Ethnic composition, history of settlement], 2-e izd., dop., Ufa: DizainPoligraf-Servis, 560 p.
- Lepekhin I.I., 1802. *Prodolzhenie dnevnykh zapisok puteshestviia akademika meditsiny doctora Ivana Lepekhhina po raznym provintsiiam Rossiiskogo gosudarstva v 1770 godu* [Continuation of daily travel notes of medicine Academician doctor Ivan Lepekhin about various provinces of the Russian state in 1770], St. Petersburg: Imperatorskaia Akademiia Nauk, 338 p.
- Nazarov P.S., 1890. Predvaritel'nyi otchet o poezdke v Bashkiriui [A preliminary report on the visit to Bashkiria]. *Izv. OLEA i E*, vol. 68, 1–2, pp. 27–37.
- Nebol'sin P., 1852. Otchet o puteshestvii v Orenburgskii i Astrakhanskii krai [A report about the journey to Orenburg and Astrakhan regions]. *Vestnik imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva*, ch. 4, kn. 4, St. Petersburg: V Tip. Eduarda Pratsa, pp. 1–34.
- Nebol'sin P., 1854. *Rasskazy proezzhego* [Stories of a traveler], St. Petersburg: Tip. Shtaba voen.-ucheb. zavedenii, 343 p.

3.Ф. Хасанова

- Nikol'skij D.P., 1895. Iz poezdki k lesnym bashkiram [From a trip to the Forest Bashkirs]. *Zemlevedenie*, vol. 2, kn. 4, Moscow, pp. 47–66.
- Pallas P.S., 1786. *Puteshestvie po raznym mestam Rossiiskogo gosudarstva* [Journeys to different places of the Russian state], ch. 2, kn. 1, St. Petersburg: Imperatorskaia Akademiia Nauk, 476 p.
- Pallas P.S., 1786. *Puteshestvie po raznym mestam Rossiiskogo gosudarstva* [Journeys to different places of the Russian state], ch. 2, kn. 2, St. Petersburg: Imperatorskaia Akademiia Nauk, 571 p.
- Popov A.A., 1961. Zhilishhe [Dwelling]. *Istoriko-yetnograficheskii atlas Sibiri*, Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, pp. 131–226.
- Rakhmatullina Z.N., 2007. *Mentalitet bashkir: Sushchnost', kharakteristiki* [Mindset of the Bashkirs: Essence, characteristics], Ufa: BashGU, 126 p.
- Rudenko S.I., 2006. *Bashkiry: Istoriko-jetnograficheskie ocherki* [The Bashkirs: Historical and ethnographic essays], Ufa: Kitap, 376 p.
- Sokolova Z.P., 1998. *Zhilishhe narodov Sibiri: (Opyt tipologii)* [Dwelling of the peoples of Siberia: (An effort of typology)], Moscow: TriL, 288 p.
- Somm'e S., 2010. *O bashkirakh* [About the Bashkirs]. Reprintnoe izdanie 1891 g., St. Petersburg: Al'faret, 26 p.
- Khasanova Z.F., 2014. *Traditsionnye khoziaistvennye zaniatiia bashkir inzerskogo basseina (seredina XIX — nachalo XXI v.)* [Traditional economic activities of the Bashkirs of the Inzer River basin (middle XIX — beginning of the XXI century)], St. Petersburg: Svoe izdatel'stvo, 188 p.
- Shitova S.N., 1976. Sibirskie taezhnye cherty v material'noj kul'ture i hozjajstve bashkir [Siberian taiga traits in the material culture and economy of the Bashkirs]. *Jetnografija Bashkirii*, Ufa: BFAN SSSR, pp. 49–96.
- Shitova S.N., 1980. Vremennye poselenija bashkir [Temporary settlements of the Bashkirs]. *Obychai i kul'turno-bytovye tradicii Bashkir*, Ufa: BFAN SSSR, pp. 24–41.
- Shitova S.N., 1984. *Traditsionnye poseleniia i zhilishcha Bashkir* [Traditional settlements and dwellings of the Bashkirs], Moscow: Nauka, 250 p.
- Cheremshanskii V.M., 1859. *Opisanie Orenburgskoi gubernii v khoziaistvenno-statisticheskom i promyshlennom otnosheniakh* [An economical, statistical and industrial description of Orenburg province], Ufa: Tip. Orenburg. Gubernskogo Pravleniia, 472 p.
- languzin R.Z., 1998. *Khoziaistvo i sotsial'naia struktura bashkirskogo naroda v XVIII–XIX vv.* [Economy and social structure of the Bashkir people in the XVIII–XIX centuries], Ufa: Kitap, 240 p.